В фильмах они гоняются за самыми отпетыми преступниками, ведут допросы с пристрастием и, конечно, спасают людей. Но правда ли все это? И как все происходит на самом деле? К нам в редакцию пришел Вячеслав Дмитриевич Морозов, который вот уже второй год пытается добиться защиты своих прав с помощью сотрудников городской полиции.

Вячеслав Дмитриевич говорит: «Начну издалека, чтобы моя история была понятной. В свое время я купил своему сыну Дмитрию яхту Fairline 32 р 96-72 УМ, чтобы он занимался туристической деятельностью, оформили ее на Диму, документы тоже были у него.

5 апреля 2017 года мой сын не вернулся с рыбалки.

Его тело было найдено 12 апреля. Этим же вечером ко мне приехала сестра сына по матери Людмила. В разговоре она мне сообщила, что у Димы есть долг перед Андреем Саламатовым (сотрудником ГИМС) в сумме 11 000 евро и я должен согласиться, чтобы Саламатов продал Димину яхту и вырученные денежные средства забрал себе в счет долга. При этом документального подтверждения наличия долга у моего погибшего сына перед Саламатовым (договора займа, расписки) она мне не представила, однако оснований для недоверия Людмиле у меня на тот момент не было. Я согласился на это предложение.

Спустя некоторое время, уже в июне, я встретился с Андреем Саламатовым, и он показал мне расписку Димы, где значилась сумма 5 000 евро (а не 11 000), и сообщил, что продать яхту не получается, нет спроса.

Я не хотел, чтобы после смерти моего сына за ним числился какой-либо долг, и предложил Андрею отдать ему всю сумму наличными деньгами, чтобы он вернул мне документы на яхту для формирования наследственной массы, т. к. после смерти Димы его мама Валентина Морозова выразила желание разделить его имущество. Тогда же я написал расписку Саламатову, что обязуюсь вернуть долг моего сына до 4 июля 2017 года. Андрей сказал, что подумает.

В конце июня Саламатов позвонил мне и сообщил, что он вернет документы, если я выплачу им с Людмилой 1 200 000 рублей.

Я расценил данное предложение как вымогательство.

Я поверил в существование долга в том размере, о котором сообщила мне Людмила, но после этого разговора понял, что это сговор между сотрудником ГИМС Саламатовым А. Л. и сестрой сына Людмилой. Вероятно, Людмила была заинтересована в этой яхте, т. к. сама занимается организацией водных туристических поездок, а сотрудник ГИМС Саламатов А. Л. в силу своего положения курирует деятельность предприятий.

Я, конечно, не согласился на такое предложение.

1 июля 2017 года я хотел забрать яхту на хранение, т. к. Дима всегда хранил ее на моем участке, но хозяин причала, находящегося на Богородском озере, Сергей Гросфель сообщил мне, что у яхты новый хозяин. Позднее в объяснениях, данных сотрудникам полиции, он пояснил, что о новом собственнике узнал от Людмилы Морозовой, но от самого Дмитрия, перед его смертью, о намерениях переоформления яхты он не слышал.

И тут вдруг откуда-то появляется договор от 25.03.2017 о купле-продаже яхты, якобы подписанный моим сыном, из которого следует, что он продал Саламатову яхту за 10 000 рублей. Спрашивается, если этот договор был подписан еще в марте, зачем было «городить огород» и просить моего разрешения продать судно?»

Мы всей редакцией обратили внимание на то, что текст договора написан не Дмитрием Морозовым и не Андреем Саламатовым, а третьим лицом. Это сразу бросается в глаза даже неискушенному человеку. И более того, подпись якобы Дмитрия Морозова совсем не похожа на его подпись в расписке. Кто написал эту бумагу и когда?

Вячеслав Дмитриевич продолжает: «У меня были все основания полагать, что в действиях Саламатова Андрея Львовича (самовольное переоформление яхты Fairline 32 р 96-72 УМ с использованием служебного положения в момент, когда собственника,

моего сына, уже не было в живых) содержатся признаки состава преступления, и я написал заявление в полицию.

Однако у меня сложилось впечатление, что сотрудники УМВД России по г. Петропавловску-Камчатскому майор полиции Титов, а также младший лейтенант Усов почему-то сделали все возможное для того, чтобы максимально затянуть рассмотрение материалов проверки и не направлять документы для возбуждения уголовного дела, а впоследствии не рассматривать его вообще в связи с пропуском сроков давности».

Действительно, странно выглядит ситуация: старший государственный инспектор по маломерным судам Андрей Львович Саламатов становится собственником яхты Fairline 32 p 96-72 УМ за несколько дней до гибели Дмитрия Морозова (25.03.2017), причем приобретает ее за бесценок за 10 000 рублей, оригинал договора купли-продажи зачем-то уничтожает, однако сотрудники полиции УМВД России по г. Петропавловску-Камчатскому не видят в этом ничего неестественного.

В пояснениях, данных следствию, Саламатов сообщает, что они совместно с Людмилой хотели вырученные с продажи яхты «лучшего друга» деньги поделить между собой и опасались, что если яхту отдадут отцу Дмитрия, то последний не расплатится с долгами сына, а его сестра и мать не получат положенного наследства.

Необъяснимый альтруизм, если учесть, что в своем первом объяснении Саламатов заявляет: «Фамилию Людмилы не помню. Как зовут мать Димы, я не знаю», однако при этом он «блюдет интересы» этих неизвестных женщин, которых, по его мнению, может обмануть при разделе наследства отец погибшего Димы. Не похоже ли это на личную заинтересованность господина Саламатова?

А если учесть, что господин Саламатов – должностное лицо ГИМС, который в силу своих служебных полномочий, имея определенные возможности и доступ к базе и судовому реестру, все же завладел этой злополучной яхтой, то история и вовсе выглядит некрасивой. О том, что Саламатов, хоть и недолго, но был хозяином яхты, свидетельствует еще один договор от 19 мая купли-продажи (в срочном порядке) судна некоему Евгению Булыгину за 150 000 рублей. В соответствии с выпиской из реестра маломерных судов № 002/01/41 (владелец – Саламатов А.Л.), судно исключено из реестра 22 мая 2017 года. То есть Саламатов перестал быть собственником яхты 22 мая.

Однако затем на свет странным образом появляется нотариальная доверенность от 4 июля 2017 года, в соответствии с которой Саламатов А. Л. доверил управлять и распоряжаться яхтой госпоже Морозовой. Уже чужой яхтой?

Возникает вполне резонный вопрос: как Саламатов А. Л. может выдавать доверенность 4 июля, на управление судном, которое он продал 19 мая и которое ему не принадлежит? Видимо, инспектору ГИМС и не такое по силам.

Почему-то у полицейских дознавателей вновь не возникает никаких сомнений в правомерности сделки и никаких вопросов по существу дела.

Нам, непрофессионалам, показалось, что вопросов-то как раз в данном деле очень много, однако в постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела они не находят отражения.

В постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению отца Димы – Вячеслава Морозова методично пишется одно и то же: «С целью опроса Саламатова по обстоятельствам проводимой проверки неоднократно осуществлялись звонки на абонентский номер […]. В ходе звонков установлено, что номер активен, однако на звонки никто не отвечает. Таким образом, орган дознания приходит к выводу, что в данном случае нет достаточных данных, указывающих на признаки события преступления».

Это пишет оперуполномоченный ОУР УМВД России по г. Петропавловску-Камчатскому майор полиции Титов.

Он же в следующем постановлении пишет: «…Так как необходимо произвести почерковедческое исследование договора купли-продажи, в связи с чем был направлен соответствующий запрос в ГИМС. В установленный срок проведения дополнительной проверки ответ на запрос не поступил. На основании вышеизложенного постановляю отказать в возбуждении уголовного дела».

Несмотря на многочисленные указания прокуратуры, что «решения об отказе в возбуждении уголовного дела являются необоснованными, т. к. не выполнены все возможные процессуальные действия, не установлены фактические обстоятельства, позволяющие установить наличие либо отсутствие данных, указывающих на признаки состава преступления», наши доблестные полицейские продолжают настаивать на своем: не было никакого преступления. Все в рамках закона.

Спустя год этой нервотрепки и бесполезной переписки Вячеслава Морозова с полицейскими в марте 2018 года ему приходит ответ, который приведет в недоумение любого: «В настоящее время сотрудниками ОВД направлены запросы в указанные вами организации, ответы на которые будут направлены СО по г. Петропавловску-Камчатскому для приобщения к материалам проверки. Опрос указанных вами лиц будет проводиться по отдельному поручению следователя». Почему заявитель должен указывать полиции, куда и какие запросы направлять, каких лиц опрашивать для выяснения обстоятельств дела?

А что мешало с самого начала поднять пятую точку и самим провести все необходимые следственные мероприятия? Ведь прошел почти год с того момента, как Вячеслав Дмитриевич написал первое заявление.

Здесь, наверное, есть простор для разных предположений, в том числе и о возможной заинтересованности местных сыщиков в определенном исходе этого дела.

Однако, несмотря на этот многообещающий ответ, по прочтении следующего (от 09.04.2018) возникает уже веселая злость: «В ходе дополнительной проверки приобщены ответы на ранее направленные вопросы, приобщены документы ГИМС о регистрации и снятии с регистрации лодки (стилистика сохранена. – ***Ред.***). Провести почерковедческую экспертизу не представляется возможным. Ранее от Саламатова поступало заявление о согласии на опрос по данному факту с применением ЭПОС «Полиграф». Таким образом орган дознания приходит к выводу, что в данном случае нет достаточных данных…» и далее по предыдущему тексту. Это уже подписано врио заместителя начальника полиции Г. Юсуповым.

Наконец 07.05.2018 заместитель начальника полиции К. Демиров отвечает на

очередную жалобу Вячеслава Дмитриевича: «…в ходе дополнительной проверки была назначена почерковедческая экспертиза копии договора купли-продажи и оригинала расписки займа Морозова Д. В. Таким образом, орган дознания приходит к выводу…» Правильно. Все к тому же: ну нет достаточных данных, указывающих на признаки события преступления.

Уже хочется воспользоваться ненормативной лексикой в описании всего происходящего (думаю, читатель уже произнес пару нецензурных выражений), потому что месяц спустя (июнь, 2018) заместитель начальника полиции, пока еще К. Демиров, пишет очередное постановление: «В ходе проведения проверки возникла необходимость назначить дополнительную почерковедческую экспертизу […], но в установленные сроки проверки ответ на направленный запрос в адрес не поступил». И соответственно, «не добыто достаточных данных»…

В сентябре 2018 врио заместителя начальника полиции В. Шподарук (Что у вас там с начальниками, господа полицейские? – ***Ред.***) сообщает, что «дополнительная почерковедческая экспертиза была назначена, однако на момент окончания срока проверки результат не получен». И орган дознания приходит все к тому же выводу.

10 октября 2018 года врио начальника полиции С. Гавриленко (?!) в ответ на очередное обращение Вячеслава Дмитриевича, наконец, сообщает: «В ходе рассмотрения обращения и выполнения мероприятий, указанных в вашем обращении (То есть, если вы в своем обращении в полицию не укажете, какие следственные мероприятия необходимо провести в рамках расследования дела, то полиция понятия не имеет, что нужно делать?! – ***Ред.***), проведены мероприятия по установлению местонахождения Булыгина Е. В (Если читатель уже забыл об этом действующем лице, то это человек, который купил яхту у Саламатова за 150 000 рублей. – ***Ред.***), однако до настоящего времени установить его местонахождение не представилось возможным».

Хорошая новость от г. Гавриленко: «Проведение почерковедческой экспертизы в выбранном вами экспертном учреждении вы вправе инициировать и оплатить самостоятельно». Странная новость: «Проведение опроса Саламатова (на который он вроде бы напрашивался сам. – ***Ред.***) не представилось возможным по техническим причинам».

Я думаю, искушенный читатель уже предвидел такой поворот дела.

«Проведение очной ставки между вами, Саламатовым А. и Морозовой Л. невозможно, т. к. ее проведение является следственным действием в рамках уголовного дела».

А как мы помним, в предыдущем десятке таких бумаг черным по белому написано: «В возбуждении уголовного дела отказать» по всем вышеперечисленным причинам.

Вот и замкнулся круг.

Последнее уведомление об отказе в возбуждении уголовного дела пришло Вячеславу Дмитриевичу от лейтенанта юстиции П. Бабакиной в марте 2019 года.

Следом, в конце апреля, уже начальник полиции Ю. Завьялов сообщил «злостному жалобщику» Морозову, что его «жалоба признана обоснованной, руководством управления поддержанной. Факт нарушения служебной дисциплины сотрудниками отдела уголовного розыска полиции Титовым и Марковым нашел свое объективное подтверждение. К Маркову и Титову применены установленные меры воздействия (Очень хотелось бы узнать, какие.– **Ред.**).

Вячеслав Дмитриевич рассказывает: «Еще в сентябре 2018 обратился к начальнику УМВД России по г. Петропавловску- Камчатскому С. А. Власову с ходатайством о проведении почерковедческой экспертизы подписи (и ее расшифровки) моего сына на договоре купли-продажи яхты в ФБУ «Дальневосточный региональный центр судебной экспертизы» Министерства юстиции Российской Федерации (т. к. только в этой организации делают экспертизу по копии документов), на что получил рекомендацию от врио начальника УМВД Гавриленко, чтобы я сам инициировал данную экспертизу».

На запрос Вячеслава Дмитриевича Морозова в Дальневосточный региональный центр судебной экспертизы о возможности проведения почерковедческой экспертизы был получен ответ, что для УМВД России по г. Петропавловску-Камчатскому экспертиза проводится на безвозмездной основе, т. к. экспертное учреждение является государственным, а для него это будет стоить немалых денег и, более того, ему, как физическому лицу, экспертная организация выдаст не заключение эксперта, а просто

акт.

А ведь именно подпись придает документу юридическую значимость, и оформление этого реквизита требует особого внимания. И на законодательном уровне установлено, что в качестве обязательного реквизита помимо самой рукописной подписи должно быть прописание расшифровки подписи.

Неужели господин Гавриленко не знает об этом?

Вскоре после получения Вячеславом Дмитриевичем ответа из Регионального центра старший оперуполномоченный ОУР Роман Марков все же направил документы для проведения почерковедческой экспертизы в Региональный центр.

В процессе проведения экспертизы специалисты Центра направили запрос в адрес петропавловских полицейских о предоставлении образцов почерков Саламатова А. и Морозовой Л., однако этот запрос остался без ответа, в связи с чем эксперту не удалось ответить, кто именно: сам Саламатов или Людмила Морозова расписались в договоре купли-продажи (что эксперт и указала в заключении).

Почему Марков не предоставил образцы почерков Саламатова и Морозовой, остается только гадать. Возможно, данный вопрос будет интересен руководству УМВД РФ по Камчатскому краю или отделу их собственной безопасности.

Тем временем, воспользовавшись «советом» очередного врио начальника полиции Гавриленко, Вячеслав Морозов предоставляет доблестным полицейским заключение специалиста уже московского Центра судебных экспертиз и исследований Екатерины Фроловской (квалификация – судебный эксперт). Опуская шесть страниц описаний экспертизы, перейдем к выводу эксперта: «Подпись, выполненная от имени Морозова Дмитрия Вячеславовича, изображение которой расположено в строке «Продавец» копии договора купли-продажи маломерного судна от 25.03.2017 года, заключенного между Морозовым Дмитрием Вячеславовичем и Саламатовым Андреем Львовичем, выполнена не Морозовым Дмитрием Вячеславовичем, а другим лицом».

Повернется ли на сей раз неповоротливый маховик полицейской машины?

Экспертное заключение Центра судебных экспертиз и исследований (г. Москва) Вячеслав Дмитриевич передал в полицию в конце мая этого года.

Но до сего дня ни ответа ни привета от наших правозащитников им не получено. Последний следователь, которым в очередной раз было подписано постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, лейтенант юстиции Полина Бабакина находится вне зоны доступа (говорят, в связи с заболеванием) и принять какое-то решение за полтора месяца никто так и не смог.

«Вести» уже не раз рассказывали о случаях, когда полиция отказывается или не может изобличить преступников, если пострадавшие не занимают постов и не имеют высокого социального статуса. Интересно, сколько раз только в этом году прокуратура отменяла незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовных дел? Наверное, счет перевалил за тысячи?

На сегодняшний день приняты десятки законов, призванных защитить интересы граждан, прошла реформа МВД, вроде бы в полиции теперь служат только высококвалифицированные профессионалы. Ой ли?

У меня складывается впечатление, что сотрудники МВД своими действиями, а больше – бездействием подталкивают людей к самосуду, то есть к совершению преступления. А вдруг у кого-нибудь нервы сдадут?

Сами сотрудники полиции в кулуарных беседах признают, что система их работы не нацелена на защиту гражданина. «Мы сейчас не столько работаем, сколько пишем отчеты и заполняем всякие бумажки, как того требует начальство, – рассказал «Вестям» на условиях анонимности один из сотрудников городского отдела полиции. – А работы у нас прибавилось – ведь при реформировании МВД штат сокращали. И с нас требуют показатели, а не реальные дела».

А что делать нам, простым гражданам, попавшим в такую непростую ситуацию?

Следуя закону Божию, любить и прощать преступника и полицию, терпеть произвол и верить в лучшие времена?

Татьяна СТЕПАНОВА